

The book cover features a black and white portrait of a young man in a military-style uniform, looking directly at the camera. To his left, several red flags with white patterns are visible. The background is a dark, grainy image of a crowd. A large red diagonal shape cuts across the lower half of the cover, containing the title and author's name in white and black text. At the bottom left, there is a small image of a mechanical device, possibly a camera or a piece of equipment.

Ю.М. ГАЛЕНОВИЧ

**“ДЕСЯТЬ
ЖИЗНЕЙ..
ВАН МИНА**

**Москва
2018 год**

Юрий Михайлович Галенович

Десять жизней Ван Мина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354644

«Десять жизней» Ван Мина / Галенович Ю.М.: НФАМ; Москва; 2019

ISBN 978-5-906601-40-7

Аннотация

В истории КПК были люди, лидеры, которые твердо противостояли политике Мао Цзэдуна. Одним из них был Ван Мин. Он принадлежал к поколению руководителей КПК, родившихся в конце XIX – начале XX века, активно действовавших особенно во второй и третьей четверти прошлого столетия. Сегодня, в XXI веке, становится все более явственной необходимость снова обратиться к сопоставлению их взглядов и действий с взглядами и действиями Мао Цзэдуна с тем, чтобы попытаться глубже понять, что происходило в Китае в те времена, и происходит в наше время. Жизнь Ван Мина сложилась из перемежавшихся периодов пребывания в Китае и в России (СССР). У Ван Мина оказалось как бы «десять жизней», каждая из которых была полна важных событий и для Китая и для наших взаимоотношений с Китаем. Ван Мин был одним из подлинных друзей нашего народа и нашей страны.

Содержание

Вместо пролога	4
Предисловие	6
«Десять жизней» Ван Мина	15
1. В Китае: 1904 –1925 гг.	17
2. В СССР: 1925 –1927 гг.	21
3. В Китае: 1927 год	29
4. В СССР: 1927–1929 гг.	36
5. В Китае: 1929 –1931 гг.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юрий Галенович

«Десять жизней» Ван Мина

Вместо пролога

Юрий Михайлович Галенович не просто автор этой книги, он великолепный знаток китайского языка, а также истории, культуры, менталитета, политики, психологии, традиции и этнографии Китая и китайцев.

Тема «Ван Мин» в самом Китае до сих пор считается «архичувствительной», то есть, «не безопасной» для всякого, решившего писать о ней правдиво и достоверно. За пределом Китая и некитайцам это действительно трудно себе представить, но такова реальность.

Вместе с тем, XXI век шагает и по Китаю. Неудержим интерес новых поколений жителей Поднебесной к данной теме. Нынешней высшей власти страны приходится считаться с умонастроением масс и лавировать между маоистской фальшивой схемой и стремлением людей к истине. Как компромисс, власть порой допускает заметные проблески правды – если только они не направлены прямо против Мао Цзэдуна, ушедшего в иной мир более четырех десятилетий назад. Причем там почти всем известно, что по его вине погибло не менее 140 млн китайцев только за три года (1959–

1962) его правления страной.

Не удивительно поэтому, какое весомое место в книге занимают взаимоотношения Ван Мина с Мао Цзэдуном. Убежденный коммунист Ван Мин всю жизнь боролся против всех врагов своих убеждений и, – пусть это не покажется странным, – прежде всего против Мао Цзэдуна. На эту борьбу он отдал все, включая свою жизнь.

В данной монографии, с рукописью которой меня знакомил сам автор, несомненно, максимально правдиво отражены сложнейшие перипетии в биографии ее героя во всей (на сегодня) русскоязычной литературе. Остается лишь пожелать, чтобы на Родине Ван Мина, на китайском языке, в обозримом будущем появилась не менее правдивая книга о его жизни.

Ван Даньчжи от всей души.

17.10.2018 Москва

Предисловие

В конце 1988 года, впервые после разрыва в 1960-х гг. связей между КПСС и КПК, в Москве побывала делегация из Пекина во главе с директором Института реформы экономической структуры Чэнь Ицзы. В составе делегации находился и спичрайтер тогда генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна. Практически это была первая делегация членов КПК, посетившая СССР после 24-летнего перерыва межпартийных связей. Делегация была принята и побывала в здании ЦК КПСС, где имела сначала встречу в одном из отделов ЦК партии, а затем и беседу с помощником генерального секретаря ЦК КПСС Г. Х. Шахназаровым.

Делегация, очевидно, удивила его с самого начала, поставив на стол звукозаписывающее устройство и попросив разрешения записать беседу. Пришлось согласиться. В ходе обмена мнениями делегация поставила вопрос о том, как действовать коммунистическим партиям обеих стран тогда, когда в парламентах обоих государств возникнет многопартийность, какую работу и как вести коммунистическим фракциям в таком парламенте. Вопрос был поставлен и повис в воздухе, но он дал понять настроения генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна. Внимательное отношение к этому, появление возможности находить взаимопонимание между партиями, могло бы помочь при подготовке к встрече

с Чжао Цзяньном в 1989 году во время визита М. С. Горбачева в Пекин. К сожалению, генеральный секретарь ЦК КПСС к содержательной беседе с генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяньном в то время был не готов; отказался он и от предложенного ему Чжао Цзяньном диалога с китайскими студентами в Пекине в мае 1989 года.

В Москве делегация Чэнь Ицзы попросила организовать посещение могилы Ван Мина на Новодевичьем кладбище. Это было сделано. Делегация отдала дань памяти Ван Мина, захоронение которого и могила Н. С. Хрущева находятся недалеко одно от другой.

Сама просьба о посещении места успокоения Ван Мина, визит делегации на Новодевичье кладбище, все это имело большое значение. Это показывало, что после многих лет намеренного забвения, осуждения деятельности Ван Мина, в руководстве КПК в конце 1980-х гг. считали возможным и необходимым показать руководителям КПСС, что отношение к Ван Мину становится иным, чем при правлении Мао Цзэдуна. Очевидно, что это должно было свидетельствовать и о пересмотре в КПК роли Ван Мина в истории партии.

Ван Мин – это единственный руководитель КПК, который похоронен в Москве.

Попутно не забудем о том, что в Москве продолжают находиться останки Линь Бяо. Может быть, придет время, когда их передадут для захоронения в Китай.

Линь Бяо погиб при крушении его самолета в Монголии.

Он, как и Ван Мин, был вынужден спасаться от преследований Мао Цзэдуна. Когда Линь Бяо улетел из КНР и, вероятно, направлялся в СССР, возникала, вполне естественно, перспектива его встречи с Ван Мином.

Ван Мин и Линь Бяо входили в руководство КПК, находились на самом верху. Ван Мин в свое время фактически исполнял обязанности генерального секретаря ЦК КПК, по сути дела, был «первым лицом» в партии или «одним из двух первых лиц», так как к положению «вождя» стремился Мао Цзэдун. Линь Бяо в конце 1960-х – начале 1970-х гг. был единственным заместителем председателя ЦК КПК, считался преемником Мао Цзэдуна и формально был «вторым лицом» в партии.

Жизнь Ван Мина и Линь Бяо окончилась вне пределов Китая. В чем-то их судьбы схожи.

Представляется естественным обращение снова к истории и того и другого.

В данном случае сосредоточимся на Ван Мине и его взаимоотношениях с Мао Цзэдуном, исходя, прежде всего, из того, что Ван Мин был человеком твердых убеждений, которые он непреклонно отстаивал в борьбе против взглядов и политики Мао Цзэдуна.

Начиная учебу на китайском отделении Московского института востоковедения в 1949 году, через некоторое время, на втором курсе, я взял в находившейся в институте Синологической библиотеке почитать работу на китайском языке,

автором которой был Ван Мин. Затем даже само это имя на многие годы исчезло для большинства людей в нашей стране, в том числе и для меня, хотя я и занимался изучением Китая. Почти два последних десятилетия своей жизни Ван Мин провел в нашей стране. Он жил в нашей стране с 1956 года, умер в 1974 году. Он даже выступал со своими работами. И все же, он как бы и не существовал. Правда, его похоронили на Новодевичьем кладбище. Все это говорило о сложной судьбе этого человека, и о том, что его фигура много значила и в Китае, и в нашей стране.

Прежде всего, сообщим нашим читателям трактовку биографии Ван Мина в современной КНР.

Ван Мин. (1904–1974). Имя, полученное при рождении: Чэнь Шаоюй. Уроженец городка Цзиньчэсай в провинции Аньхой. В 1925 году вступил в КПК. Затем был направлен на учебу в московский Университет имени Сунь Ятсена. После возвращения в Китай в 1926 году был назначен секретарем отдела пропаганды ЦК КПК, редактором журнала «Сян дао (Вожатый)». После поражения великой революции снова отправился в Советский Союз, где работал в упомянутом Университете имени Сунь Ятсена. После шестого съезда КПК в Москве стал секретарем партийной ячейки в этом университете, где организовал фракционную группку «двадцати восьми с половиной (большевиков)». В 1929 году возвратился в Шанхай, где вел подпольную партийную рабо-

ту. В 1930 году написал брошюру под названием «Лян тяо лу сянь — Две линии», в которой выступил против ЦК партии, сформированного после третьего пленума ЦК КПК шестого созыва, выдвинув тем самым политическую программу «лево» уклонистского толка в новых условиях. В конце того же года стал секретарем партийного комитета КПК провинции Цзянсу. 7 января 1931 года на четвертом пленуме ЦК КПК шестого созыва, в силу не нормальной поддержки представителя Коминтерна, стал членом ЦК партии, членом Политбюро ЦК; вскоре, 27 января, на заседании Политбюро ЦК КПК стал также членом Постоянного Комитета Политбюро, возглавил повседневную работу ЦК. «Лево» уклонистский авантюризм, с ним в качестве представителя этого авантюризма, начал захватывать руководящее положение в ЦК партии, и это господство продолжалось четыре года, что нанесло партии и делу революции серьезный урон. В том же (1931) году после ареста генерального секретаря ЦК КПК Сян Чжунфа, был назначен исполняющим обязанности генерального секретаря. В октябре отправился из Шанхая в Москву, где стал руководителем делегации КПК при Коминтерне. В январе 1934 года на пятом пленуме ЦК КПК шестого созыва в продолжение (существовавшего положения) был избран членом Постоянного Комитета Политбюро ЦК. В 1935 году присутствовал на седьмом конгрессе Коминтерна, где был избран членом исполкома Коминтерна и кандидатом в члены его секретариата.

В этот период составил проекты нескольких документов для ЦК КПК, имеющих отношение к созданию и развертыванию единого фронта нации в борьбе против агрессии японского империализма; например, декларацию. 17 января 1933 года, «Декларацию 1 августа» 1935 года, что сыграло активную роль. В ноябре 1937 года возвратился в Яньань, продолжил занимать посты члена Постоянного Комитета ЦК КПК, секретаря секретариата ЦК КПК; в декабре на заседании Политбюро ЦК КПК выступил с ошибочной правоуклонистской платформой по вопросу о Войне за оказание отпора Японии в масштабах всей страны; затем стал секретарем Чанцзянского бюро (бюро по району реки Янцзы) ЦК КПК. В 1938 году подвергся критике на шестом пленуме ЦК КПК шестого созыва. Затем занимал посты заведующего отделом единого фронта ЦК, председателя комитета женского движения. В 1945 году на седьмом съезде КПК был избран членом ЦК партии. В период Войны за освобождение всей страны занимал пост председателя комитета по законодательству ЦК КПК. После образования КНР был членом комитета по законодательству Центрального Народного Правительства, заместителем председателя политико-юридического комитета, в январе 1956 года выехал в СССР. В сентябре того же года на восьмом съезде КПК был по-прежнему избран членом ЦК партии. Однако он так все время и оставался в СССР, написал целый ряд статей, открыто выступая против КПК и КНР. В марте 1974 года в

результате болезни умер в Москве.

Чжун гун чжун ян цзу чжи жэнь ши цзянь мин ту ну (Краткий атлас организационно-кадровой структуры ЦК КПК) / Главный составитель и редактор: Чжан Хэн. – Пекин: «*Чжун го гуан бо дянь ши чу бань шэ – Издательство радио и телевидения Китая*», июль 2003 года. Стр. 122.

В свое время мне довелось написать работы о ряде руководителей КПК, которые были противниками действий Мао Цзэдуна и его последователя Дэн Сяопина.

Вот перечень этих работ:

Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. Политические лидеры Китая XX века. – М.: «Огни», 2005.

Гибель Лю Шаоци. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

Возвращение Лю Шаоци. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008.

Дао Ху-гуна [О Ху Яобане]. В 2-х кн. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. Книга 1. Жизненный путь Ху Яобана. Книга 2. Подвиг Ху Яобана.

Чжао Цзыян и реформы в Китае. – М.: «СПСЛ»; «Русская панорама», 2012.

Постепенно возникало представление о необходимости добавить к этому ряду имя Ван Мина.

Появление книги о Ван Мине, созданной его вдовой Мэн Циншу и его сыном Ван Даньчжи, побудило обратиться к этой теме. Мы имеем в виду следующую работу:

Мэн Циншу (автор, составитель). Чэнь Шаоюй – Ван Мин. Биография, Воспоминания. / Перевод с китайского языка и редактирование Ван Даньчжи. – Издание первое. – СМ.: БФ «Онтопсихология», 2011. (Существуют два издания этой книги: на русском и на китайском языке.)

Это труд, который составлен родными Ван Мина. В нем они изложили его взгляды. Таким образом, читатели получили возможность ознакомиться, по сути дела, со своего рода «воспоминаниями» и «заветами» самого Ван Мина, с его взглядами на то, что происходило и в руководстве КПК, и во взаимоотношениях между руководителями КПК и ВКП(б).

Думается, что с позиций сегодняшнего дня можно и нужно обратить внимание на некоторые штрихи картины жизни и деятельности Ван Мина с тем, чтобы пополнить представление о ряде деятелей КПК, у которых были те или иные разногласия с Мао Цзэдуном. Это дает возможность глубже понять и историю КПК, и то, в чем заключалась суть борьбы внутри КПК между «путем» Мао Цзэдуна и его последователей и тем, что предлагали и за что выступали все упомянутые деятели, каждый из них, естественно, по-своему и в условиях своего времени.

Итак, мы будем основываться, главным образом, на со-

держании упомянутой книги. При цитировании будем указывать (в скобках) ее соответствующие страницы.

«Десять жизней» Ван Мина

В жизни Ван Мина выделяются десять ее периодов. При этом чередуются пребывание и работа в Китае и в СССР.

Собственно говоря, и в этом видно то, насколько тесно были переплетены и взаимосвязаны судьбы людей нашей страны и Китая в двадцатом столетии.

Очевидно, что есть основания говорить даже о том, что были такие десятилетия: двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы, когда совпадавшие национальные интересы были в большой степени осознаны и связали наши народы, наши страны, и, благодаря этому, создавали основу для вечного мира, дружбы и сотрудничества в наших взаимоотношениях.

И здесь важно видеть, что наша сторона всегда была открыта для развития именно таких отношений, понимала необходимость соблюдения главных коренных принципов в наших двусторонних отношениях, а это: вечный мир, абсолютная независимость и полное равноправие.

В Китае были люди, с которыми у нас существовало взаимопонимание на упомянутых принципах.

В то же время были и те, кто препятствовал развитию наших двусторонних отношений в этом направлении.

Ван Мин был искренним другом нашей страны, а, точнее, он являлся сторонником дружественных взаимоотношений

между Китаем и Россией.

Мао Цзэдун враждебно относился к нашему народу и нашей стране.

Именно с этого угла зрения важно взглянуть на борьбу между Ван Мином и Мао Цзэдуном, на борьбу, которая происходила в те годы в руководстве КПК.

Здесь важно обратить внимание на то, что и Ван Мин, и Мао Цзэдун были не только «природными китайцами», то есть что они не были ничьими марионетками, но и на то, что внутри Китая, среди китайцев были люди, с которыми мы могли находить и находили общий язык на основе рационального или разумного подхода и все тех же упомянутых принципов, а были и те, кто исходил из иррациональных и не обоснованных представлений о нашем народе и нашей стране как о якобы тех, кто пытался навязывать Китаю и китайцам свое господство и свой контроль. При чем эти их взгляды привели к появлению ситуации, когда им, прежде всего, Мао Цзэдуну, удалось всего за десять лет (1959–1969 гг.) изменить отношение к нам, как к подлинным друзьям и союзникам, и настроить население Китая на отношение к нам, как к якобы национальному, историческому, классовому и военному врагу Китая. В этом заключалась суть действий, политики и мыслей Мао Цзэдуна. Против этого, именно этого, за вечный мир, дружбу и сотрудничество в наших отношениях боролся Ван Мин.

1. В Китае: 1904 –1925 гг.

Прежде всего, необходимо сказать, что речь идет о человеке по имени Чэнь Шаоюй, который взял псевдоним «Ван Мин». «Ван» – одна из самых распространенных китайских фамилий, типа наших «Иванов, Петров, Сидоров», а «Мин», то есть его имя, означает «проницательный, ясный и понятный».

Чэнь Шаоюй родился в 1904 году в городке Цзиньчжай уезда Люань провинции Аньхой. Дед Чэнь Шаоюя был сельским учителем. У отца был небольшой магазин. В своем городке Чэнь Шаоюй прожил до 15 лет. Затем он навсегда покинул родные места.

Мальчик с ранних лет жил в семье, где царил дух поддержки бедных и принцип справедливости.

Чэнь Шаоюй с ранних лет тяжело трудился. В частности, он зарабатывал каллиграфией. К этому у него были способности от природы. Его тогда называли «ученым мальчиком». Выдающиеся умственные способности проявились у Чэнь Шаоюя еще в раннем детстве.

Несмотря на материальные трудности, родители стремились дать Чэнь Шаоюю образование. С 6 до 15 лет он ходил в «частные классы». Его образование началось с того, что он выучил наизусть «*Бай цзя син* – Сборник ста фамилий» и «*Сань цзы цзин* – Троеслово».

Таким образом, он получил то, что можно считать классическим или традиционным начальным образованием в Китае. И в то же время, начав писать стихи с 9 лет, мальчик выступил в них против одного из конфуцианских запретов: запрета дневного отдыха для учеников. Конфуций и другие мудрецы и «старшие» были для него «не указ». Один из его учителей, видя способности мальчика, пророчески сказал, что «просвечивающий ум не ведет к долголетию». (С. 36.)

Чэнь Шаоюй очень хотел учиться. В 15 лет, то есть в 1920 году, с огромным трудом набрав средства для оплаты учебы, он поступил в среднюю школу – Третью сельскохозяйственную школу первой категории провинции Аньхой в уездном городе Люане. Учился он по всем предметам «на отлично», а это были: китайский язык, английский язык, математика, физика, химия, география, история Китая, всемирная география, и ряд сельскохозяйственных предметов. Люди, которые видели его тогда, свидетельствовали: у него «высокий, чистый лоб, правильные черты лица; это человек с большим будущим». (С. 43.)

В 1924 году Чэнь Шаоюй начал учиться в Высшем коммерческом училище в Ухане. Осенью 1924 года он стал членом Коммунистического союза молодежи Китая.

1925 год был первым годом Великой революции 1925–1927 гг., проходившей под руководством Компартии Китая. (С. 56.)

В 1925 году Чэнь Шаоюй стал членом КПК.

Итак, Чэнь Шаоюй родился и вырос в Китае. Принадлежал к семье и к такому слою людей, которые от природы были наделены умом и стремлением активно участвовать в политической жизни страны.

Он получил в Китае максимально возможное в то время для человека «его круга» образование. К своему совершеннолетию он был готов самым активным образом участвовать в политической жизни и работе.

Чэнь Шаоюй сам выбрал для себя и политическую партию, и политические взгляды, с которыми он был согласен. Это была коммунистическая партия, и это были марксистские взгляды. Может быть, он видел в них и свои идеалы, и метод борьбы против того, с чем не мог мириться в жизни своей страны в то время.

Вполне естественным для человека, который встал на сторону КПК, было стремление получить дополнительные знания, образование, подготовку в СССР с тем, чтобы, обязательно вернувшись после этого в Китай, бороться против существовавшего там, неприемлемого, с его точки зрения, политического режима, за идеалы, которые представлялись ему идеалами коммунистов, китайских коммунистов.

Здесь важно подчеркнуть, что в ситуации того времени, в первой половине и в середине 1920-х гг., многие люди Китая, прежде всего, коммунисты, но и гоминьдановцы, исходили из того, что на всем земном шаре только наш народ и

наша страна оказались естественными союзниками и друзьями, братьями и товарищами, в их борьбе за Новый Китай, за обретение нацией Китая самостоятельности в сообществе наций, и за революцию в Китае в целях создания лучших условий для жизни людей в Китае.

Многие из этих людей действительно считали, что у них и людей нашей страны есть основа для взаимопонимания и взаимодействия, существует совпадение коренных национальных интересов двух народов и стран, а это необходимо и китайцам.

Конечно, были и некоторые иные среди коммунистов и гоминьдановцев, в том числе и в Китае, и в СССР, которые считали выгодным только на определенном этапе использовать помощь и поддержку с нашей стороны, но не видели в нас искренних союзников и друзей.

Возможно, именно эти разные взгляды на наш народ и нашу страну, и разделили, в частности, Ван Мина и Мао Цзэ-дуна.

2. В СССР: 1925 –1927 гг.

В том же (1925) году Ван Мин добился включения в группу людей, отправлявшихся на учебу в Советский Союз. Это было его самостоятельное осознанное решение. Очевидно, что оно вытекало и из сложившегося у него к своему совершеннолетию, а ему в 1925 году исполнился 21 год, отношения и к нашей стране, и к взаимоотношениям между китайцами и русскими.

25 декабря 1925 года Чэнь Шаоюй на советском пароходе приплыл в СССР. Тем же рейсом прибыли Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Цай Хэсэн, Ли Лисань и др.

Чэнь Шаоюй был в первой группе студентов, прибывших в московский Университет имени Сунь Ятсена. Занятия в университете начались 14 марта 1926 года.

Чэнь Шаоюй был членом бюро комсомольской ячейки и одновременно входил в состав бюро ячейки ВКП(б) Университета имени Сунь Ятсена, в обоих случаях отвечая за пропаганду.

Он активно выступал против деятельности «московской ячейки КПК», находившейся под воздействием генерального секретаря ЦК КПК Чэнь Дусю. Эта ячейка, с его точки зрения, выступала против изучения ленинизма, советского опыта и против изучения русского языка. При этом утверждалось, что каждый член партии – всего лишь винтик, а

руководитель – мастер с гаечным ключом. (С. 66.) С точки зрения Ван Мина, методы, применявшиеся «московской ячейкой», очень похожи на приемы Мао Цзэдуна, начиная с «кампании по упорядочению стиля» в Яньани (с 1942 г.). (С. 67.)

По решению Коминтерна и ЦК ВКП(б) «московская ячейка» была распущена. По решению бюро ячейки ВКП(б) Чэнь Шаоюй написал статью «Московская ячейка с разных сторон». (С. 67.)

В конце 1926 года Чэнь Шаоюя избрали председателем студенческой коммуны Университета имени Сунь Ятсена. Секретарем этой коммуны стал коммунист из дунган Ма Цзюнь. (С. 68.) У Чэнь Шаоюя тогда был псевдоним «Голубев». В начале 1927 года Чэнь Шаоюй был принят в члены ВКП(б).

Итак, первое пребывание Чэнь Шаоюя в СССР, по сути дела, продолжалось всего около года. Он прибыл в нашу страну в самом конце 1925 года, провел там чуть больше года, то есть весь 1926 год и менее двух месяцев 1927 года.

Молодой китайский человек, попав в Москву, оказался в необыкновенно сложной ситуации.

Он до приезда в СССР не знал русского языка. Ему пришлось приложить огромные усилия с целью овладения русским языком. Ситуация потребовала владения русским не только для себя, не только для повседневной жизни и уче-

бы, не только для того, чтобы начать читать литературу. Прежде всего, политическую литературу на русском языке, через русский язык знакомиться с работами Маркса и Ленина, но и для того, чтобы уметь разговаривать с людьми из СССР, причем на самом высоком политическом уровне. Выступать в известных случаях в качестве переводчика. Всего этого требовала жизнь. Ко всему этому стремился сам Чэнь Шаоюй. И он оказался человеком, у которого были природные способности, позволившие ему быстро, фактически за год, решить все эти задачи.

Но, дальше больше, Чэнь Шаоюй, приехав в Москву, оказался на своего рода «оживленном политическом перекрестке». Ему пришлось реагировать на необходимость находить понимание и с людьми из Китая, а это были и коммунисты, в том числе сторонники тогдашнего генерального секретаря ЦК КПК Чэнь Дусю, и гоминьдановцы, которых направили учиться в СССР.

Мало того, ему пришлось иметь дело с представителями ВКП(б) – СССР, с политикой советской стороны в отношении революционных сил Китая.

Так он сразу же столкнулся с необходимостью определиться, определить свое отношение к политике «советских товарищей».

А в это время в ВКП(б) шла ожесточенная борьба, в том числе, и по вопросу о политике в отношении Китая.

Чэнь Шаоюю пришлось выбирать сторону и в этой борьбе.

Важно также иметь в виду, что тогда такому человеку из Китая, каким был Чэнь Шаоюй, пришлось стать членом двух политических партий: ВКП(б) и КПК.

Сложнейшая политическая ситуация потребовала быстрой и умной реакции.

Оказалось, что Чэнь Шаоюй был готов к такой жизни и деятельности.

Здесь необходимо также заметить, что Чэнь Шаоюй твердо встал на сторону тех людей, которые выступали за союз с представителями советской стороны. Он осудил сторонников Чэнь Дусю, которые с подозрением относились к «советской стороне». Ему также претило стремление Чэнь Дусю, а также его сторонников, считать рядовых членов партии лишь «винтиками» а самих себя – «мастерами с гаечным ключом». Так Чэнь Шаоюй изначально, очевидно по своей природной склонности, оказался и сторонником демократии в партии, в обществе, и противником культа вождя внутри коммунистической партии, и противником мысли о якобы необходимости для всех китайцев с подозрением относиться к иностранцам, очевидно, прежде всего, к людям из СССР.

Наконец, сложность ситуации для Чэнь Шаоюя была и в том, что ему пришлось приспособиться к существованию и деятельности Коминтерна.

Дело тут в том, что Коминтерн, конечно, во многом зависел от ВКП(б) – СССР. Но в то же время это была международная организация с участием огромного числа людей из

самых разных стран. Найти в ней свое место, заслужить или обрести доверие и советской стороны и руководства Коминтерна, все это потребовалось от Чэнь Шаоюя. И он справился с решением этой задачи. Хотя, конечно же, это осложнялось присущей коммунистическим партиям недоверием и подозрительностью ко всем и вся, в том числе в своих рядах.

Таким образом, приехав в СССР перед новым 1926 годом, Чэнь Шаоюй уже в начале 1927 года стал членом ВКП(б), продолжая быть членом КПК. Мало того, он обрел определенное доверие и ВКП(б), и Коминтерна, которые увидели в нем человека, который действительно выступал за прочный союз китайских коммунистов и с Коминтерном и с ВКП(б).

Можно также обратить внимание еще на одну деталь. Чэнь Шаоюй в Москве установил хорошие отношения с Ма Цзюнем.

Ма Цзюнь был не ханьцем, а дунганином. Хорошие отношения между ханьцами и дунганами – это, во всяком случае, не повсеместное явление. Ма Цзюнь в дальнейшем был близким сотрудником Чжоу Эньлая. Очевидно, что были некие обстоятельства, видение тех или иных сторон политики, которые позволяли Чэнь Шаоюю находить общий язык на протяжении определенного времени и при определенных обстоятельствах, в частности, с Чжоу Эньлаем и с Ма Цзюнем. Это также свидетельствовало, что у Чэнь Шаоюя были разносторонние способности и таланты, в том числе и такие, благодаря которым он умел привлекать к себе людей, обрастал зна-

комыми и друзьями.

Одним словом, Чэнь Шаоюй в первый же год проживания в СССР показал себя чрезвычайно способным человеком, пригодным для участия в сложной внутрикитайской и международной коммунистической политической деятельности.

Ко всему этому здесь же необходимо добавить следующее.

Судьба Чэнь Шаоюя дает возможность задуматься и над вопросом о взаимоотношениях между Россией и Китаем, между нашими двумя нациями, то есть между нашими двумя народами и двумя странами, между людьми из нашей страны и людьми из Китая, между человеком России, и человеком Китая. Оказывается, что и в той, и в другой стране были и есть люди, способные искренне относиться друг к другу, находить взаимопонимание, доверять друг другу.

В то же время вполне очевидно, что таким людям приходится не просто. Судьба их часто бывает трагична. Особенно вследствие политики и действий тех, кто в руководстве, особенно КПК, с подозрением и недоверием относился и относился к не китайцам, к людям нашей страны.

Представляется также, помимо всего того, о чем уже было сказано, что здесь важно попытаться понять, что происходило в то время в Китае, в Коммунистической партии Китая.

Во главе партии с 1921 года по 1927 год находился Чэнь Дусю (1879–1942).

Очевидно, что Чэнь Дусю, и сам, учитывая взгляды ру-

ководителей Коминтерна, действительно принимал мысль о необходимости и возможности сотрудничества между КПК и Гоминьданом. Для него это «первое по счету в истории сотрудничество между КПК и Гоминьданом или между Гоминьданом и КПК» было не тактическим маневром, не обманным приемом, а линией, которая отвечала совпадавшим интересам КПК и Гоминьдана.

Возможно, что при этом две стороны, то есть, с одной стороны, Коминтерн, а, с другой стороны, КПК, оставаясь при руководстве со стороны Чэнь Дусю Компартией Китая, в существенной степени двумя отдельными и самостоятельными субъектами интернациональных взаимоотношений, действительно пришли к мысли о возможности союза или сотрудничества Гоминьдана и КПК в борьбе за общие интересы внутри Китая.

В то же время уже в 1926 году ситуация в Москве сложилась таким образом, что находившиеся там сторонники взглядов Чэнь Дусю исходили из стремления придавать сплочению китайцев, то есть китайцев – коммунистов и китайцев – гоминьдановцев, большее значение или первостепенное значение, по сравнению со сплочением китайцев – коммунистов и советских коммунистов. Своего рода национализм китайцев при этом оказывался в противостоянии с интернационализмом.

Чэнь Шаоюй исходил в то время из мысли о том, что совпадение взглядов и интересов китайских и советских комму-

нистов важнее своего рода подчеркивания самостоятельности, отъединения, обособленности китайцев и от русских, и от Коминтерна.

Представляется, что именно такая идейная позиция Чэнь Шаоюя и определила все его будущее.

Думается, что в этой позиции Чэнь Шаоюя нашла свое выражение тенденция, отвечавшая фактам, объективной действительности и объективному совпадению не просто воззрений коммунистов разных стран, но и коренных интересов наших двух народов и наших двух стран, то есть наших двух наций.

Чэнь Шаоюй, исходя из своего понимания интересов нации Китая, народа Китая, Китая, как страны, оказался твердым сторонником союза и дружбы между нашими двумя народами и странами.

Внешне, в ситуации того времени, это выразилось в установлении доверия между Коминтерном, его органами, его руководителями, его функционерами, а также между ВКП(б), ее органами, ее руководителями, его функционерами, с одной стороны, и Чэнь Шаоюем, с другой стороны.

Ван Мин выступил за сотрудничество китайцев с Коминтерном, с ВКП(б), с нашим народом и нашей страной, исходя из уверенности, убежденности в том, что этого требуют коренные интересы китайского народа, Китая как нации.

3. В Китае: 1927 год

Идя навстречу просьбе ЦК КПК, Отдел агитпропа ЦК ВКП(б) решил послать на помощь в работе нескольких советских и китайских товарищей в Китай и создал «Рабочую группу Отдела агитпропа ЦК ВКП(б) в помощь Отделу агитпропа ЦК КПК». В группу входил и Чэнь Шаоюй.

Основными задачами рабочей группы были две. Первая – помочь ЦК КПК наладить издание ежедневной газеты (для основания этого предприятия группа имела при себе 50 тыс. долларов). Вторая – создать курсы подготовки рабоче-крестьянских военно-политических кадров.

В начале февраля 1927 года рабочая группа отправилась из Москвы сначала во Владивосток, затем в Гуанчжоу, куда прибыла к 20 марта. (С. 75.)

Рабочая группа покинула Гуанчжоу 9 апреля, прибыла в Шанхай 14 апреля. О перевороте Чан Кайши, совершенном 12 апреля, она не знала.

18 апреля группа на пароходе отплыла из Шанхая. 22 апреля группа прибыла в русский селтльмент Ханькоу.

Здесь состоялась встреча с генеральным секретарем ЦК КПК Чэнь Дусю, который обладал решающим голосом и которого обычно в общении между коммунистическими партиями наших двух стран люди называли «Старик». С советской стороны ему был предложен план создания Рабо-

че-крестьянской Красной Армии и действительного вооружения рабочих и крестьян. (С. 81.) Чэнь Дусю не хотел открития таких курсов. (С. 81.)

Чэнь Шаоюю поручили быть референтом отдела пропаганды ЦК КПК. Цюй Цюбо предложил ему поработать членом редколлегии журнала «Сяндао». Из-за неорганизованности и недисциплинированности в учреждениях ЦК партии наладить и эту работу не удалось.

В начале мая 1927 года в Ухане состоялся пятый съезд КПК. Чэнь Дусю ратовал за «поход на север», то есть против бэйянских милитаристов, а не за «поход на восток» против Чан Кайши. В итоге съезда Чэнь Дусю остался генеральным секретарем.

Чэнь Шаоюй участвовал в работе секретариата съезда, в основном как переводчик.

На пятом съезде Мао Цзэдун появился один раз, посидел недолго и ушел.

Мао Цзэдун был избран членом ЦК партии на ее третьем съезде. Его правооппортунистические взгляды подверглись критике со стороны Дэн Чжунся и других. На четвертом съезде КПК он не был избран в ЦК. На пятом съезде партии он снова был избран, но лишь кандидатом в члены ЦК. (С. 87.)

Чэнь Дусю считал, что китайская революция должна состоять из двух этапов. На первом этапе, этапе «буржуазной революции», коммунистическая партия не может руково-

дить революцией, только буржуазия может руководить революцией. Правительство и вооруженные силы должны быть отданы в руки буржуазии. (С. 89.) Чэнь Шаоюй считал, что такой ЦК не может привести китайскую революцию к победе. (С. 90.)

К началу 1927 года и ВКП(б) и КПК оказались перед сложнейшими новыми для них проблемами. Заканчивался период, когда все стороны как будто бы договорились: СССР оказывал всестороннюю помощь Гоминьдану, его вооруженным силам в их походе из Гуанчжоу на Север или Северном походе в борьбе за объединение Китая под властью своего, то есть гоминьдановского, центрального правительства.

КПК все еще находилась в союзе с Гоминьданом, ее члены могли в индивидуальном качестве быть одновременно и членами Гоминьдана.

Это представляло собой уникальное явление в мировой политической истории и политической жизни: две главные политические партии страны вступали в некий, по сути дела временный и противоестественный симбиоз, формировали как бы одну партию. Однако оказалось, что это было временное и мертворожденное дитя. Гоминьдан, особенно после смерти Сунь Ятсена и с приходом к власти Чан Кайши, видел все эти маневры во взаимоотношениях с СССР и с КПК как временные «рычаги», которые необходимо и можно использовать в целях захвата власти над Китаем.

Дело шло к появлению новой обстановки, в которой ис-

чезали такие временные формы взаимоотношений, как сотрудничество СССР и Гоминьдана при условии, что Гоминьдан «допускает» КПК к участию и в политической жизни и к строительству вооруженных сил, и сотрудничество между Гоминьданом и КПК.

Очевидно, что весьма не простыми были и отношения ВКП(б) и КПК.

И все-таки стороны, ВКП(б) и КПК, нуждались одна в другой.

ЦК КПК попросил ЦК ВКП(б) направить в Китай группу «товарищей», которая помогла бы решить некоторые назревшие вопросы.

Речь шла, прежде всего, о взаимодействии при организации работы пропагандистского аппарата.

В Москве такая группа была сформирована. Группе понадобился переводчик. В качестве такого специалиста, исходя из оценки его политических и деловых качеств, был выбран обучавшийся в Москве китаец, член КПК и член ВКП(б) Чэнь Шаоюй, которому в Советском Союзе дали фамилию «Голубев».

Так Чэнь Шаоюй оказался вовлечен во взаимоотношения ВКП(б) и КПК.

Китайская сторона при этом нуждалась в деньгах для осуществления своей пропаганды. Группа Агитпропа ВКП(б) привезла в Китай 50 тыс. долларов на издание газеты.

В то же время при встрече с Чэнь Дусю, очевидно, вы-

полняя задание Москвы, был поставлен вопрос о подготовке кадров вооруженных сил КПК. Предложен план создания рабоче-крестьянской Красной армии Китая и вооружения рабочих и крестьян.

Очевидно, что здесь и произошло, вероятно, первое, или одно из первых, заочных столкновений между взглядами Чэнь Дусю и Сталина.

В Москве руководство СССР, ВКП(б), Сталин пришли к выводу о том, что отныне в Китае КПК придется буквально воевать, вести внутреннюю войну, за власть с Гоминьданом. Следовательно, необходимы вооруженные силы.

Чэнь Дусю, со своей стороны, продолжал исходить из того, что все еще возможно некое сотрудничество, или совместные, или параллельные, но однонаправленные, действия в северном направлении, то есть фактически совместная борьба и КПК и Чан Кайши против общих противников – местных, провинциальных военных властителей, милитаристов. Во всяком случае, Чэнь Дусю отвергал превращение военной борьбы против Чан Кайши в главное направление политики КПК.

В этом, очевидно, находили свое выражение разные взгляды Сталина и Чэнь Дусю на ситуацию в Китае и на дальнейшие действия КПК.

Чэнь Шаоюй оказался в Ухане, где столкновение этих различных взглядов и происходило.

Чэнь Шаоюй работал в качестве переводчика на пятом

съезде КПК, состоявшемся в Ухане в 1927 году. Здесь он впервые увидел, что происходило в руководстве КПК.

В частности, он увидел, что Чэнь Дусю придерживается того мнения, что на том этапе революции в Китае Компартия не должна претендовать на руководство пролетариатом, рабочими классом и крестьянством, но сотрудничать с буржуазией, исходя из того, что речь идет об этапе буржуазно-демократической революции.

Такова была точка зрения Чэнь Дусю.

Чэнь Шаоюй уже тогда приходил или пришел к мысли о том, что буржуазно-демократическая революция неизбежна и необходима, но КПК должна вести дело к социалистической революции.

Чэнь Шаоюй видел в буржуазии лишь временного союзника, которого можно использовать. Он считал, что Чэнь Дусю был не прав, предлагая уступать ведущую роль в революции национальной буржуазии страны.

В Китае в Ухане во время пятого съезда КПК Чэнь Шаоюй также стал свидетелем того, как Чэнь Дусю продолжил занимать пост генерального секретаря ЦК КПК. Очевидно, что Чэнь Шаоюй был с этим не согласен.

Тогда же Чэнь Шаоюй, вероятно, впервые узнал о поведении Мао Цзэдуна, который фактически не участвовал в работе пятого съезда, но обозначил свое присутствие на нем, побывав на протяжении короткого времени на одном из заседаний.

Чэнь Шаоюй также узнал о том, что Мао Цзэдун был членом ЦК после третьего съезда (1923 год), перестал им быть после четвертого съезда (январь 1925 года) и снова стал кандидатом в члены ЦК партии после пятого съезда (апрель – май 1925 года).

Итак, пятый съезд КПК оказался, в частности, первым съездом КПК, к которому, в разной степени, имели отношение и Чэнь Шаоюй и Мао Цзэдун. Мао Цзэдун в качестве делегата и будущего кандидата в члены ЦК. А Чэнь Шаоюй в качестве переводчика, члена группы, прибывшей из СССР, и номинального сотрудника пропагандистского аппарата ЦК КПК.

Последнее свидетельствовало о том, что в КПК уже тогда нашлись люди, в частности, Цюй Цюбо, которые оценили способности Чэнь Шаоюя в области пропагандистской и идейно-теоретической работы. Именно эта склонность оказалась одной из главных черт политической деятельности Чэнь Шаоюя.

Необходимо также обратить внимание на то, что это пребывание Чэнь Шаоюя в Китае было коротким. Оно составило всего несколько месяцев. Однако эта поездка дала Чэнь Шаоюю очень многое. Он как бы «прикоснулся» и к деятельности ЦК КПК в Китае и к деятельности ЦК ВКП(б) и Коминтерна в Китае, по отношению к Китаю, к КПК.

4. В СССР: 1927–1929 гг.

Чэнь Шаоюй возвратился в Москву в июле 1927 года.

Поскольку Чэнь Дусю отказался создавать курсы подготовки военных кадров из рабочих и крестьян, Коминтерн и ЦК ВКП(б) решили направить группу студентов КУТК в различные военные учебные заведения СССР для изучения военного дела. Было решено также отобрать лучших из студентов и направить в Институт красной профессуры для углубленной подготовки (С. 91.) В том числе Чжан Вэньтяня, Ван Цзясяна, Чэнь Шаоюя. (С. 93.)

Чэнь Шаоюй поддерживал линию Коминтерна. Был избран членом бюро партячейки КУТК. Чэнь Шаоюй отвечал в бюро за пропаганду и продолжал участвовать в руководстве борьбой против сторонников Чэнь Дусю и троцкистов в КУТК. (С. 94.) Противники Чэнь Шаоюя утверждали, что активных коммунистов и комсомольцев в КУТК было якобы всего «28 с половиной человек (28 с половиной большевиков)», и что они являются сторонниками Сталина и Чэнь Шаоюя. (С. 94.)

Между китайцами, учившимися в КУТК, тогда велись споры. Чэнь Шаоюй считал, что правильная линия – это линия Коминтерна, ЦК ВКП(б) и ЦК КПК, суть которой заключается в создании условий для спокойного изучения китайскими коммунистами и комсомольцами марксизма-лени-

низма, опыта ВКП(б) и опыта китайской революции, чтобы по возвращении на родину лучше работать для партии, для революции. Ради этой цели необходимо раскритиковать троцкизм и чэньдусюизм, враждебные марксизму-ленинизму, ВКП(б), Советскому Союзу, Коминтерну и КПК. (С. 95.)

Очевидно, что все то, что Чэнь Шаоюю пришлось наблюдать и в чем ему, так или иначе, пришлось участвовать в 1926–27 гг., совпало с его представлениями об интересах Китая, китайцев в том смысле, что Чэнь Шаоюй пришел к мысли о том, что СССР, ВКП(б), Коминтерн действительно оказывали помощь КПК, поддерживали ее. При этом никакой опасности стать их марионеткой для КПК не возникало. Более того, никто не был способен навязывать свое мнение по кардинальным проблемам, по существенным вопросам, китайцам.

Здесь важным, с точки зрения Чэнь Шаоюя, в то время, оказались два вопроса. Во-первых, вопрос о подготовке военных кадров, кадров военачальников в СССР для КПК. Во-вторых, вопрос о теоретической, идейной подготовке кадров партийных работников в СССР для КПК.

И то, и другое представлялось Чэнь Шаоюю правильным и полезным для КПК, для Китая, для революции в Китае.

Поэтому Чэнь Шаоюй по возвращении из Китая твердо выступал за линию и политику ВКП(б), Коминтерна в отношении КПК. Ему особенно претил отказ Чэнь Дусю от помо-

щи со стороны СССР в деле создания Красной армии в Китае. Это объяснялось теоретическими расхождениями между Чэнь Шаоюем и Чэнь Дусю по вопросу о характере революции в Китае.

Да, Чэнь Дусю был лидером КПК, а Чэнь Шаоюй всего лишь молодым членом партии, обучавшимся в Москве. Но здесь важно обращать внимание на суть политических воззрений и того и другого, а не на их положение в партии.

Чэнь Шаоюй оказался тогда в руководстве партийной работой в КУТК. Здесь вокруг него, прежде всего как талантливого мыслителя и теоретика-писателя, но и активного партийного работника, собрались единомышленники.

Впоследствии в КПК сторонники Мао Цзэдуна осуждали группу единомышленников Чэнь Шаоюя, презрительно называя их «двадцатью с половиной большевиками (один из них был человеком небольшого роста)», а также обвиняя их в том, что они являлись приверженцами Сталина.

Так сама жизнь, политическая борьба внутри КПК, выводы, к которым Чэнь Шаоюй приходил, оценивая ситуацию в Китае, привели его в число тех, кто поддерживал политический курс ВКП(б) и Коминтерна в отношении КПК. Естественно, что в условиях того времени это означало, что Чэнь Шаоюй поддерживал политическую линию Сталина по отношению к КПК.

Тогда-то и произошла первая встреча Чэнь Шаоюя со Ста-

линым.

Чэнь Шаоюй был «всего-навсего» членом партбюро ячейки КПК в КУТК, отвечал за пропагандистскую работу. Очевидно, что его, как и всех, находившихся тогда в СССР активных членов КПК, внимательно «изучали» «соответствующие органы». Они-то, возможно, и пришли к выводу, что Чэнь Шаоюя можно рекомендовать руководству ВКП(б) и Коминтерна в качестве китайского коммуниста, действительно настроенного в пользу совместной работы в общих совпадавших интересах. Вероятно, сыграло свою роль поведение Чэнь Шаоюя во время поездки рабочей группы ВКП(б) в Китай в первой половине 1927 года. И сам тот факт, что Чэнь Шаоюя отобрали и направили работать в эту группу в качестве переводчика, и то, как он вел себя во время этой поездки, какую политическую позицию занимал, привели тех, кто определял тогда его судьбу, к выводу о том, что ему можно доверять.

Чэнь Шаоюю было в 1928 году «всего» 24 года. Однако именно ему доверили и поручили выступление от имени китайцев, находившихся в СССР, на торжественном собрании в Москве по случаю возвращения на родину А. М. Горького.

В 1928 году в Большом театре Чэнь Шаоюй выступал в качестве представителя КУТК при встрече с Горьким по случаю его возвращения на родину. После выступления его посадили в президиуме рядом со Сталиным.

После окончания мероприятия Сталин пригласил Чэнь Шаоюя вместе с ним пешком пройти от Большого театра до Кремля.

По дороге Сталин, отметив, что Чэнь Шаоюй неплохо говорит по-русски, поинтересовался, где он учил русский язык. Узнав, что в КУТК, спросил, почему он его не видел, когда приезжал туда.

Чэнь Шаоюй сказал, что в это время был в Китае.

Затем Сталин спросил, известно ли Чэнь Шаоюю о подготовке шестого съезда КПК.

Чэнь Шаоюй ответил, что ему это известно, и что он участвует в этой подготовке с начала 1928 года.

Далее Сталин поинтересовался, знаком ли Чэнь Шаоюй со Страховым (то есть с Цюй Цюбо).

Чэнь Шаоюй сказал, что они вместе работали в Ухане.

Сталин также осведомился: как вы оцениваете Чэнь Дусю как человека.

Чэнь Шаоюй ответил: Если говорить о нем просто как о человеке, то он, наверное, человек неплохой. Живет очень скромно, говорит откровенно. Но как руководитель коммунистической партии он не годится.

Почему? – спросил Сталин.

Он слишком мало разбирается в марксизме-ленинизме, – пояснил Чэнь Шаоюй, – политически слаб Его взгляды по основным вопросам китайской революции все ошибочные, а стиль у него домостроевский; не прислушивается к мнениям

других...

Правильно; другие рассказывали мне о нем примерно так же, как и вы, — сказал Сталин. (С. 99.)

Сталин также спросил, хотел бы Чэнь Шаоюй пойти учиться к Покровскому в Институт красной профессуры.

Чэнь Шаоюй, узнав, что тогда учиться придется пять лет, сказал, что после года-двух учебы он хотел бы вернуться на практическую работу.

Сталин пошел к себе, а Чэнь Шаоюй отправился в КУТК. (С. 100.)

Можно предположить, что Сталину предварительно «доложили» о взглядах, настроениях и практической деятельности Чэнь Шаоюя. Возможно также, что Сталин лично принял решение обратить внимание на Чэнь Шаоюя. Сталин, вероятно, искал среди китайских коммунистов, учившихся в СССР, людей, с которыми можно было найти подлинное взаимопонимание. Таким человеком. Сталину показался Чэнь Шаоюй.

Главное, что определило отношение Сталина к Чэнь Шаюю, была оценка Чэнь Шаоюем Чэнь Дусю. Оказалось, что Чэнь Шаоюй практически стоит на тех же позициях, что и Сталин в вопросах теории. Кроме того, из высказываний Чэнь Шаоюя следовало, что он выступал против стиля взаимоотношений Чэнь Дусю с членами руководства КПК, то, что Чэнь Дусю не прислушивался к мнению других. Мож-

но предположить, что результатом первого личного общения Сталина с Чэнь Шаоюем и явилось решение продвигать Чэнь Шаоюя в руководство ЦК КПК.

Своего рода первым шагом в этом направлении и явилось участие Чэнь Шаоюя в подготовке шестого съезда КПК, который состоялся в Москве в июне-июле 1928 года.

После разговора со Сталиным Чэнь Шаоюй вернулся в КУТК.

Там (то есть в КУТК) Миф сказал ему (Чэнь Шаоюю), что Цюй Цюбо уже приехал и хотел бы обсудить с Чэнь Шаоюем работу по подготовке к шестому съезду партии.

Через несколько дней Чэнь Шаоюй пришел на Пятницкую улицу в дом № 25. Туда уже прибыли Цюй Цюбо, Чжоу Энлай. Ли Лисань, а также Дэн Инчао и Ян Чжихуа. (С. 100–101.)

Коминтерн и КПК решили провести в Москве шестой съезд КПК. Чэнь Шаоюю было поручено участвовать в составлении резолюции по пропагандистской работе. Большинство проектов документов было переведено на китайский язык Чэнь Шаоюем.

В мае или июне 1928 года, за несколько дней до открытия шестого съезда КПК, на Пятницкую в дом № 25 приехал Сталин. Беседа с членами руководства съездом началась в 8 часов вечера и закончилась в 8 часов утра следующего дня.

Сталин разъяснял свое видение характера, этапов, ситуации в ходе революции в Китае. Отвечал на вопросы. Сталин в конце беседы спросил, согласны ли с ним присутствовавшие и есть ли еще вопросы. Все были согласны, и вопросов больше не было.

Все это переводил Чэнь Шаоюй. Сталин сказал: Голубев, такому переводчику, как вы, надо дать орден Ленина... Перевод далеко не техническая работа. (С. 111.)

Фактически вторая встреча Чэнь Шаоюя со Сталиным оказалась чрезвычайно важной для судьбы Чэнь Шаоюя.

Фактически перед шестым съездом КПК на совещании руководства партии Сталин выступил со своим мнением и ответил на возникшие вопросы. При этом присутствовал и все переводил Чэнь Шаоюй. Сталин тогда сказал, что Чэнь Шаоюя за его работу следовало бы наградить орденом Ленина, и подчеркнул, что то, чем занимался Чэнь Шаоюй – это далеко не техническая работа.

Было очевидно, что Сталин в то время доверял Чэнь Шаоюю; во всяком случае, в той степени, которая обеспечивала Чэнь Шаоюю прочные позиции при его работе внутри КПК, там, где дело касалось взаимоотношений с ЦК ВКП(б).

Сразу после окончания шестого съезда КПК, в августе 1928 года открылся Шестой Всемирный конгресс Коминтерна. Чэнь Шаоюй выполнял всю работу по переводу на ки-

тайский язык, связанную с президиумом конгресса; отвечал за организацию и редактирование всех переводов на китайский язык. Кроме устного перевода, он участвовал в переводе Программы Коминтерна и других основных документов. (С. 113.) Существовали два проекта упомянутой программы. Один – Бухарина. Другой – Сталина.

Бухарин считал, что происходит длительная стабилизация капитализма, поэтому войны и революции могут происходить лишь в отдаленном будущем. (С. 113.)

Сталин полагал, что существуют такие страны, как Китай, Индия и т. д., то есть колониальные и полуколониальные страны со значительно развитым капитализмом и значительным по количеству пролетариатом. Они, пройдя этап антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции, могут перейти на путь некапиталистического, то есть социалистического развития.

Чэнь Шаоюй позднее говорил: «Теперь очевидно, что если в таких странах ... имеются компартии, и они у власти, то переход этот может совершаться быстрее». (С. 114.)

Итак, фактически, очевидно, по решению Сталина, Чэнь Шаоюй в 1928 году оказался неким «связующим звеном» между Сталиным и китайскими коммунистами, руководителями КПК, и между Сталиным и теми, кто был тогда в руководстве Коминтерна и имел отношение к выработке положений, определявших политический курс в отношении ре-

волюции, в частности, в Китае.

Здесь Чэнь Шаоюй исходил мнения Сталина о том, что можно ориентироваться на переход в Китае на путь некапиталистического развития. Точка зрения Чэнь Шаоюя была его собственной. При этом она совпадала с точкой зрения Сталина.

В целом очевидно, что 1928 год явился временем, когда многое определилось и во взглядах Чэнь Шаоюя, и в его позиции по теоретическим, стратегическим и тактическим политическим вопросам и в его взаимоотношениях с руководителями ВКП(б), Коминтерна.

Здесь необходимо обратить внимание на то, что речь тогда шла о знакомстве, взаимном узнавании, поисках взаимопонимания, установления на этой основе взаимного доверия между русскими и китайцами, между людьми из нашей страны и людьми из Китая. Прежде всего, между представителями правящей партии тогда в СССР и Коммунистической партии Китая. Немалую роль играл при этом вопрос о языке общения. Ситуация сложилась таким образом, что, по преимуществу, тогда именно китайцам пришлось овладевать русским языком.

Владение китайцами, находившимися в Москве, русским языком давало возможность Сталину, советским руководителям, да и руководителям Коминтерна из других стран, напрямую общаться с представителями Китая, Коммунистиче-

ской партии Китая, то есть обходиться без переводчика.

Чэнь Шаоюй обладал от природы такими способностями, что, прибыв в СССР фактически только к началу 1926 года, он уже в 1927 году смог быть переводчиком делегации ВКП(б) во время ее поездки в Китай. Затем переводчиком Сталина во время его беседы с лидерами КПК накануне открытия ее шестого съезда. А далее переводчиком речей и документов на очередном конгрессе Коминтерна.

Иными словами, у Сталина, других руководителей ВКП(б), Коминтерна, возникла возможность общаться с Чэнь Шаоюем без переводчика.

Он был сам себе переводчик.

Здесь имело место исключительное сочетание творческих способностей Чэнь Шаоюя, его, как теоретика, и владения им русским языком. Конечно, его судьба сложилась так, как она сложилась и благодаря тому, что он, исходя из собственных убеждений, стоял по многим принципиальным вопросам на тех же позициях, на которых стояли Сталин и руководители Коминтерна.

Принимая все это во внимание, можно лишний раз обратить внимание на ряд уже упомянутых деталей.

По возвращении из Китая во второй половине 1927 года, Чэнь Шаоюй практически возглавил в КУТК тех китайских коммунистов, которые разделяли точку зрения ВКП(б) и Коминтерна и выступали против политической линии Чэнь Дусю.

Чэнь Шаоюй показал себя при этом и организатором, и твердым политическим работником, пропагандистом определенных идей.

Далеко не случайно ему поручили выступить от имени фактически всех китайских коммунистов, находившихся в то время в Москве, на собрании по случаю возвращения в СССР Максима Горького.

Чэнь Шаоюй выступал там на русском языке.

На виду у всех присутствовавших после этого выступления Чэнь Шаоюя пригласили сесть в президиум рядом со Сталиным. Это было знаком признания Сталиным авторитета Чэнь Шаоюя.

После заседания Сталин предложил Чэнь Шаоюю пройти с ним пешком от Большого театра до Боровицких ворот Кремля по Москве.

Сталину было тогда 49 лет, Чэнь Шаоюю 24 года. Это была их первая личная встреча. Первая личная встреча руководителя ВКП(б) – СССР и будущего фактического руководителя КПК. В определенном смысле на нее можно смотреть как на встречу руководителей России и Китая. Это была «встреча один на один», без свидетелей и посредников.

Это была уникальная прогулка. Она позволила Сталину дополнить свое представление о Чэнь Шаоюе, составить себе личное мнение о нем. Эта же встреча дала Чэнь Шаоюю возможность лично ощутить, что такое «иметь дело со Сталиным».

Сталин, прежде всего, отметил, что Чэнь Шаоюй неплохо говорит по-русски. Это позволило Сталину беседовать с Чэнь Шаоюем без посторонней помощи.

Мало того, здесь вполне мог присутствовать намек на то, что Чэнь Шаоюй «владеет двумя языками: своим, китайским, и нашим, русским», то есть на то, что «у нас имеется общий язык».

Далее Сталин поинтересовался, почему он не видел Чэнь Шаоюя при посещении КУТК. Чэнь Шаоюй сказал, что он в это время был в Китае.

Тогда Сталин поинтересовался, знаком ли Чэнь Шаоюй со «Страховым» (то есть с Цюй Цюбо). Чэнь Шаоюй сказал, что им уже приходилось вместе работать в Китае.

Сталин подчеркнул, что в Москве готовится съезд КПК. Чэнь Шаоюй подтвердил, что он уже участвует в его подготовке.

Чэнь Шаоюй также дал понять, что не хотел бы становиться только «ученым», который будет пять лет учиться в Москве, а потом заниматься сугубо научными проблемами. Чэнь Шаоюй проявил нацеленность на практическую работу в Китае.

Вероятно, что Сталин в результате обдумывания этого разговора пришел к выводу, что на Чэнь Шаоюя в определенном смысле можно полагаться. Очевидно также, что именно по этой причине Чэнь Шаоюю было доверено переводить беседу Сталина с руководителями КПК, участвовавшими в

подготовке шестого съезда партии.

А далее Чэнь Шаоюй переводил документы и выступил в качестве главного переводчика на конгрессе Коминтерна во всех случаях, когда это касалось Китая.

Так Чэнь Шаоюй, благодаря своим способностям и в политической области, и в теории, и в русском языке, именно в этом году выдвинулся на место человека, который оказался способен не только вести работу в среде китайских коммунистов, но и находить общий язык со Сталиным, с руководителями ВКП(б) и Коминтерна. Чэнь Шаоюй оказался среди потенциальных кандидатов на роли руководителей КПК как во мнении значительной части китайских коммунистов, находившихся в Москве, так и с точки зрения Сталина и руководителей Коминтерна.

5. В Китае: 1929 –1931 гг.

В начале февраля 1929 года Миф и Цюй Цюбо предложили Чэнь Шаоюю вернуться на работу в Китай.

В то время возник вопрос о кулачестве. Чэнь Шаоюй считал, что неверно ликвидировать кулачество на этапе буржуазно-демократической революции. В 1934 году Чэнь Шаоюй написал работу «Экономическая политика Советской власти в Китае», в которой изложил свою позицию. Попутно необходимо упомянуть, что в 1932 году Чэнь Шаоюй принял псевдоним «Ван Мин».

Мао Цзэдун в вопросе о кулачестве занимал иную позицию.

Очевидно, что руководство КПК и Коминтерна согласовали и приняли решение о направлении Чэнь Шаоюя на работу в Китай. Чэнь Шаоюю об этом стало известно в начале 1929 года. Тогда ему предложили поехать в Китай Цюй Цюбо от имени руководства КПК, и Миф от имени Коминтерна. Так проявилась ситуация того времени, когда китайская сторона, естественно, была китайской стороной, и принимала решения самостоятельно, и в то же время существовала тесная связь между КПК и Коминтерном, что обе стороны считали естественным состоянием отношений.

В это время внутри КПК обсуждался вопрос об отноше-

нии в Китае к кулачеству, то есть к «богатым крестьянам».

Позиция Чэнь Шаоюя состояла при этом в том, что он продолжал исходить из деления периода революции на этапы. С его точки зрения этап буржуазно-демократической революции должен был смениться этапом социалистической революции. Однако это никоим образом не означало, что на этапе буржуазно-демократической революции следовало торопиться с переходом на следующий этап. На этапе буржуазно-демократической революции Чэнь Шаоюй считал неверной ликвидацию кулачества. Это было частью представлений Чэнь Шаоюя об экономической политике в то время в тех районах Китая, где тогда создавались органы власти, именовавшиеся «советскими».

Иначе говоря, Чэнь Шаоюй занимал разумную позицию соответствовавшую ситуации того времени в Китае.

Мао Цзэдун придерживался другой позиции. С его точки зрения кулаков следовало уже тогда ликвидировать. Такое важное противоречие между взглядами Чэнь Шаоюя и Мао Цзэдуна возникло уже в то время.

Чэнь Шаоюй выехал из Москвы в феврале 1929 года.

В Китае Ли Лисань при встрече с Чэнь Шаоюем сказал: вы хоть и учились в Москве, но не имеете опыта практической работы, должны пойти на самую низовую, самую трудную и тяжелую работу. (С. 122.)

С 12 ноября 1929 года до 1 января 1930 года Чэнь Шаоюй,

переведенный на работу в отдел пропаганды ЦК КПК, редактировал трехдневник «Хунци». Фактически он написал в это время все статьи в этом издании.

1 января 1930 года Чэнь Шаоюй был арестован и заключен в тюрьму.

18 февраля 1930 года Чэнь Шаоюй вышел из тюрьмы.

В то время у Чэнь Шаоюя были хорошие отношения с Чэнь Гэном – ответственным сотрудником особого отдела ЦК.

Чэнь Гэн родился в 1903 году. В 1922 году вступил в партию. Умер 16 марта 1961 года, будучи к тому времени членом ЦК КПК, заместителем министра обороны КНР и заместителем начальника генштаба НОАК, генералом армии. На смерть Чэнь Гэна Чэнь Шаоюй написал стихи, в которых называл Чэнь Гэна своим другом (С. 129–130.)

К описанию деятельности Чэнь Шаоюя в это время в Китае необходимо сделать пояснения.

Это был тяжелый период работы КПК в Китае. Руководство партии находилась в подполье в Шанхае. Партия также действовала в ряде сельских районов, в так называемых «опорных базах» или «советских районах (соврайонах)».

Гоминьдановские власти преследовали коммунистов. Людей арестовывали. Немало людей, попадавших в тюрьмы, не выдерживали пыток и становились предателями. Одновременно в руководстве КПК шла борьба между сторонниками

разных взглядов и за власть.

Коминтерн и ВКП(б) стремились оказывать влияние на деятельность руководящих органов КПК. Что-то им сделать удавалось. В то же время главной оставалась борьба между самими китайцами внутри руководства партии.

Мы уже упоминали о том, что тогда, когда Чэнь Шаоюй приехал в 1929 году в Китай, тогдашний руководитель ЦК партии Ли Лисань сказал ему: хотя вы и учились в Москве, но опыта практической работы у вас нет; вы пойдете на самую низовую и самую трудную работу.

Это, в частности, было лишним свидетельством того, что руководство КПК, с самого начала, с 1921 года, то есть и Чэнь Дусю и Ли Лисань, всегда подчеркивало независимость и самостоятельность КПК. Поэтому они с подозрительностью относились к тем китайским коммунистам, которые побывали в СССР, учились в Москве. Никогда не существовало такого положения, что кого-то могли «посадить» «управлять» делами КПК по указке из Москвы. Здесь, в этой сфере, то есть по вопросам, связанным с формированием руководства партии, велась борьба.

Собственно говоря, само направление Чэнь Шаоюя, как и целого ряда других людей, в Китай, было и частью процесса борьбы за общее дело коммунистических партий, и частью такой борьбы.

Чэнь Шаоюй не был «марионеткой» в руках «Москвы». В то же время и «Москва» и Чэнь Шаоюй понимали, что

их связывало совпадение коренных интересов двух наших народов и стран, а, следовательно, и «Москве» и КПК были необходимы взаимопонимание, сотрудничество в борьбе против тех, кого и там и там считали общими врагами.

Ли Лисань, естественно, знал, что Чэнь Шаоюй приехал по направлению из Москвы, по направлению Цюй Цюбо и Коминтерна (Мифа). Поэтому он и сказал, что Чэнь Шаоюю придется начать с низовой работы.

Чэнь Шаоюй начал работать в отделе пропаганды ЦК КПК. Практически ему пришлось писать материалы для печатного органа партии. У Чэнь Шаоюя был такой талант, и он писал все статьи для этого издания тогда, когда там работал.

Итак, сначала, по прибытии в Шанхай, Чэнь Шаоюй оказался лицом к лицу с ситуацией внутри руководства КПК и с тем, как генеральный секретарь ЦК КПК относился к СССР и к тем, кто приезжал в Шанхай из Москвы. Оказалось, что он для Ли Лисаня и иже с ним является, возможно, пока «чужаком».

Чэнь Шаоюй начал работать там, куда его направили, то есть в органе печатной пропаганды ЦК партии, как ему и было предписано ЦК КПК.

Затем с ним произошло то, что происходило с очень многими коммунистами. Он попал в тюрьму, где провел почти два месяца.

С 1 января по 18 февраля 1930 года Чэнь Шаоюй находился в тюрьме. Он попал туда, в сущности, как рядовой функционер КПК, которого арестовали при одной из массовых облав на коммунистов. Через некоторое время его выпустили из гоминьдановской тюрьмы.

Этот эпизод впоследствии Мао Цзэдун и прочие пытались использовать для обоснования своих подозрений в отношении Чэнь Шаоюя, для обвинений его в том, что он якобы стал «агентом Гоминьдана».

Попутно необходимо также сказать, что именно в те годы, или, начиная с того времени, у Чэнь Шаоюя в Китае появились добрые отношения с целым рядом коммунистов.

Это вообще свидетельствовало о том, что Чэнь Шаоюй по своей природе был человеком, который располагал людей к себе. Он был таким с детства и вплоть до поездки в Советский Союз. Он не перестал быть таким и в СССР. Он продолжал быть таким, то есть человеком с «харизмой», и тогда, когда вернулся в Китай в 1929 году.

Одним из его друзей стал тогда Чэнь Гэн.

Чэнь Гэн был своего рода легендарной фигурой. Этот человек много сделал для КПК, как один из организаторов спецслужб КПК. Затем он проявил себя как талантливый военачальник. Ему было присвоено звание генерала армии. Он находился в составе китайской военной делегации в момент заключения соглашения между СССР и КНР относительно «новой оборонной техники», то есть передачи КНР секре-

тов производства атомной бомбы. В КНР его также считали главным организатором победы вьетнамских коммунистов над французами при Бьендьенфу.

Вот с ним-то у Чэнь Шаоюя и возникли хорошие отношения еще в начале 1930-х гг. в Шанхае.

Ли Лисань считал Чэнь Шаоюя опасным для себя человеком. Он полагал, что Чэнь Шаоюй может в том или ином районе Китая овладеть вооруженными силами и выступить против ЦК. (С. 131.)

Ли Лисань считал своими врагами Чэнь Шаоюя, Цинь Бансяня, Ван Цзясяна. Сян Чжунфа выступал на стороне Ли Лисаня.

Чжоу Эньлай выступал на стороне Ли Лисаня, солидаризовался с ним в намерении «не давать работу» Чэнь Шаоюю и Бо Гу (Цинь Бансяню) в 1930 году. Чжоу Эньлай осуждал их за «мелкобуржуазность» и «неподчинение распоряжению партии». (С. 136.)

Чэнь Шаоюй и Цинь Бансянь тогда, в 1930 году, находясь в Шанхае, «ни на час не прекращали руководить борьбой как против врагов, так и против линии Ли Лисаня». (С. 137.)

Очень не просто складывались в это время отношения Чэнь Шаоюя с другими руководителями партии.

Вообще, нужно сказать, что все эти руководители были относительно молоды. Они были по большей части амбици-

озны. Круг их был узким. Фактически сталкивались между собой всего несколько человек.

И здесь играли свою роль и личные качества Чэнь Шаоюя и, конечно же, тот «капитал», который он, благодаря своим способностям, «прибрел», находясь в Москве, да и во время краткого пребывания в Ухане в 1927 году.

По сути дела тогда в руководстве КПК создались, как бы сами собой, «два лагеря». Руководство оказалось расколото.

С одной стороны оказались Ли Лисань и поддерживавшие его Сян Чжунфа и Чжоу Эньлай. С другой стороны, это были Чэнь Шаоюй, Цинь Бансянь, Ван Цзясян. Формально, Сян Чжунфа и Ли Лисань являлись главными руководителями.

Чжоу Эньлаю на протяжении всей его жизни и политической деятельности было присуще одно качество. Он инстинктивно предпочитал не занимать место первого по рангу или официального руководителя. В тоже время он всегда стремился приспособливаться именно к тому, кто в его представлении был таким первым руководителем. Чжоу Эньлай также, на всякий случай, сохранял возможности общения с другими лидерами. Наконец, Чжоу Эньлай умело «перескакивал» от одного руководителя к другому руководителю, когда один из них сменял другого на посту лидера или вождя партии. Недаром в Коммунистической партии Китая у Чжоу Эньлая было прозвище «*бу дао ван* – неваляшка, ванька-встанька».

Что же касается Чэнь Шаоюя, то и в данной ситуации он

стремился быть самостоятельным и не подлаживался ни к, сначала, Чэнь Дусю, ни, затем, к Ли Лисаню. Могло складываться поверхностное представление о том, что Чэнь Шаоюй и Цюй Цюбо всего лишь выполняли приказы Коминтерна. На самом деле, в СССР, в ВКП(б), в Коминтерне с самого начала многие понимали, что с Китаем, китайскими лидерами, китайскими коммунистами необходимо считаться, уважать их самостоятельность. Поэтому отношения Чэнь Шаоюя и других, настроенных так же, как он, членов КПК, с руководителями ВКП(б), СССР, Коминтерна были отношениями людей, которые находили общее понимание, на чем и строилось их взаимное доверие.

Здесь необходимо сказать несколько слов о семье Чэнь Шаоюя, прежде всего, о его жене Мэн Циншу. Она была моложе Чэнь Шаоюя на 7 лет и родилась в 1911 году.

Мэн Циншу познакомилась с Чэнь Шаоюем в 1927 году. Ее заключили в тюрьму 30 июля 1930 года. 22 ноября она вышла из тюрьмы, а 23 ноября Чэнь Шаоюй и Мэн Циншу поженились. (С. 138.)

Эти люди, как говорится, нашли друг друга и вместе прожили всю жизнь. У них было трое детей: дочь и два сына. Семья была дружной. Политические взгляды членов семьи совпадали. Они взаимно поддерживали друг друга.

С 1941 года по 1974 год, то есть на протяжении 33 лет, Мэн Циншу, которая была одновременно активным членом партии и одним из руководителей китайских женщин – чле-

нов КПК, взяла на себя тяжелую ношу сохранять жизнь и здоровье Чэнь Шаоюя, который был отравлен, очевидно, с ведома Мао Цзэдуна.

Мэн Циншу была всегда рядом с Чэнь Шаоюем, помогала ему и в жизни и в работе. После его смерти Мэн Циншу сумела создать жизнеописание Чэнь Шаоюя, дать оценку его политической деятельности.

Эту книгу ей помог перевести на русский язык и снабдил своими примечаниями и соображениями их старший сын Ван Даньчи.

В целом Чэнь Шаоюй, его жена и старший сын оказались людьми, которые внесли существенный вклад в дело борьбы против политики и взглядов Мао Цзэдуна, то есть действовали в интересах народа Китая. Их труд, в том числе книга о Чэнь Шаоюе, это важный вклад в интересах китайского народа и в дело дружбы народов России и Китая.

В 1930 году в Шанхай прибыл представитель Коминтерна Миф.

После этого Чжоу Энълай переменял тон.

25 ноября 1930 года по предложению Чжоу Энълая Чэнь Шаоюй был избран секретарем комитета КПК провинции Цзянсу. После четвертого пленума ЦК КПК шестого созыва Бо Гу был выдвинут на пост генерального секретаря ЦК Комсомола. На четвертом пленуме ЦК Чэнь Шаоюй и Шэнь Цзэминь (брат Шэнь Яньбина – Мао Дуня) были кооптированы

в члены ЦК. Чэнь Шаоюй был также избран членом Политбюро ЦК КПК. (С. 138.) В обстановке того времени, то есть в 1930 году, Чэнь Шаоюй полагал, что сейчас нет возможности для какого-то восстания; борьба за легальность (на чем настаивал Ли Лисань) тоже должна проходить в соответствующих условиях. (С. 141.)

Четвертый пленум ЦК КПК шестого созыва проводился с 6 часов вечера седьмого января до семи часов утра восьмого января 1931 года. Сян Чжунфа выступил с докладом, в котором признавались ошибки «лилисаневщины», критиковались ошибки третьего пленума ЦК КПК. (С. 154.)

Чэнь Шаоюй был главным оратором на четвертом пленуме ЦК. Он поддерживал линию Коминтерна, осуждал линию Ли Лисаня. В результате по решению пленума Ли Лисань был освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК. После пленума был создан Постоянный Комитет ЦК В составе Сян Чжунфа, Чжоу Энляя и Чэнь Шаоюя. (С. 155.)

КПК после политического переворота, осуществленного Чан Кайши в 1927 году, после начала им бескомпромиссной борьбы против КПК, на протяжении ряда лет переживала большие трудности.

И сами руководители КПК и сочувствовавшие и помогавшие им руководители СССР – ВКП(б) – Коминтерна искали выход из кризиса. Выдвигались разные предложения. На протяжении некоторого времени возобладали взгляды Ли

Лисаня. Затем, по мнению других руководителей КПК и Коминтерна, стало необходимым изменение «линии Ли Лисаня». Замена его на посту руководителя. В этой ситуации и с этой целью в Китай приехал представитель Коминтерна Миф.

Чжоу Эньлай уловил перемены в настроениях и, очевидно, как и многие другие, счел, что «линия Ли Лисаня» оказалась не верной.

В руководстве партии Ли Лисань оказался в изоляции. Против него выступили и Сян Чжунфа и Чжоу Эньлай.

На пленуме ЦК партии главную роль сыграл Чэнь Шаоюй, который выступал с докладом и подверг критике «линию Ли Лисаня».

Таким образом, в каком-то смысле, естественным путем сформировалось новое руководство партии. В 1931 году его составили Сян Чжунфа (в качестве генерального секретаря ЦК КПК), Чжоу Эньлай и Чэнь Шаоюй. Так Чэнь Шаоюй вошел в состав высшего руководящего органа Коммунистической партии Китая.

До своего ареста и измены Сян Чжунфа оставался номинально генсеком; но, поскольку политический и культурный уровень у него был очень низок, Чэнь Шаоюй был фактически главным руководителем. (С. 155.)

Этот факт был вынужден признавать и Мао Цзэдун на втором пленуме ЦК КПК седьмого созыва в марте 1949 года,

когда он говорил:

«И Бо Гу и Ло Фу были лишь номинальными генсеками. От антилилисаневского четвертого пленума до начала «Компании по упорядочению стиля» главкомом партии был Ван Мин ... Я именно решил взять (Ваше политическое положение) и заменить собой».

Это высказывание Мао Цзэдуна имело двоякий смысл. С одной стороны он не мог не признать за Ван Мином высокий авторитет во всей партии. С другой же стороны, он хотел превратить некоторые тактические ошибки периода Временного Политбюро ЦК В Шанхае и пятого пленума ЦК КПК шестого созыва в «ошибки политической линии» и, добавив туда еще собственные фальсификации, приписать все эти «ошибки» Ван Мину. (С. 156.)

В 1931 году Мао Цзэдун расширял масштабы кампании «борьбы против контрреволюции»; была создана атмосфера всеобщего страха. Весной 1931 года Чэнь Шаоюй от имени ЦК партии написал письмо по поводу исправления ошибок в борьбе против контрреволюции. В этом документе он критиковал порочную практику расширения кампании борьбы против контрреволюции. (С. 156.)

В истории КПК, очевидно, являясь выражением сложности политической обстановки в стране и в самой партии, начиная с момента создания КПК в 1921 году и вплоть до 1943 года, когда Мао Цзэдун официально пришел к ру-

ководству партией, был период острой борьбы, требовавшей реакции на ситуацию в стране и в партии, пересмотра «политических линий» сменявших один другого руководителей.

Поэтому смена Чэнь Дусю Чжан Готао, затем Цюй Цюбо, далее появление Ли Лисаня, затем Сян Чжунфа – все это было необходимыми действиями, вынужденными обстановкой в стране и в самой партии. У каждого из них были свои достоинства и недостатки. Исключение составил Сян Чжунфа, который был арестован и стал предателем.

Затем с 1931 года по 1943 год генеральными секретарями номинально были Бо Гу (Цинь Бансянь) и Ло Фу (Чжан Вэньтянь). Однако именно в этом десятилетии в партии фактически главную или ведущую роль, роль того, кто, обладая определенными качествами, определял политику партии, играл Чэнь Шаоюй. Десятилетие в истории КПК, 1930-е гг., по сути дела, и были «десятилетием Чэнь Шаоюя (Ван Мина)».

Именно ему пришлось тогда вести борьбу против взглядов и политики Мао Цзэдуна, который сосредоточился, прежде всего, на интригах, заговорах и жестокой закулисной и явной борьбе против всех, в ком он видел своих политических противников, внутри партии. Мао Цзэдун оказался интриганом, сумевшим именно в результате их осуществления, захватить власть над КПК.

Ситуация в те годы неоднократно менялась и оставалась сложной. На конкретных ее проявлениях мы еще будем останавливаться.

Пока же важно отметить, что после периода шараханий и явных ошибок приход Чэнь Шаоюя к руководству, к фактическому руководству, помог партии постепенно справиться с ошибками ряда прошлых руководителей. Здесь сыграли свою роль и личные качества Чэнь Шаоюя, а также его выдающиеся способности теоретика и идеолога. Важно было и то, что Чэнь Шаоюй всегда исходил из совпадения коренных интересов наших двух стран и народов.

Чэнь Шаоюю уже в начале 1930-х гг. пришлось вести борьбу против не верной политики Мао Цзэдуна. В данном случае речь шла о том, что именовалось в КПК «контрреволюцией». Мао Цзэдун был за ее безжалостное и беспощадное уничтожение. Чэнь Шаоюй выступал за осторожный подход к применению таких методов, как ликвидация контрреволюционеров, считая, что сначала еще нужно разобраться в том, имеем ли мы дело с контрреволюционерами и каковы возможности решения вопросов иными средствами, чем их ликвидация. В этом было одно из важных расхождений между стилями работы Чэнь Шаоюя и Мао Цзэдуна.

За день до открытия четвертого пленума ЦК Постоянный Комитет Политбюро ЦК и Дальбюро ИККИ провели совместное заседание, обсудили вопросы, которые выносились на обсуждение пленума. В заседании участвовали Чжоу Эньлай, Сян Чжунфа, Цюй Цюбо.

Неожиданно на этом заседании было решено вывести из

членов Политбюро не только Ли Лисаня, но и Цюй Цюбо. Будучи недоволен этим, Цюй Цюбо не участвовал в работе пленума.

Чэнь Шаоюй исходил из того, что Цюй Цюбо признался в ошибках и выразил готовность лично раскритиковать их на пленуме. Поэтому Чэнь Шаоюй не одобрял исключения Цюй Цюбо из Политбюро. (С. 158.)

Чэнь Шаоюй неизменно доброжелательно относился не только к Цюй Цюбо, но и к Ли Лисаню, помогал ему, например, в углубленном изучении марксистско-ленинской теории, в исправлении допущенных ошибок, привлекал его к работе делегации КПК в Коминтерне, советовался с ним по разным поводам; никогда не относился к нему с позиций злопамятства или дискриминации. (С. 160.)

Возможно, предложение о выведении из состава Политбюро и Ли Лисаня и Цюй Цюбо было внесено представителями ИККИ. Важно обратить внимание на то, что это явилось неожиданностью для Чэнь Шаоюя. Следовательно, он не был до этого поставлен в известность о принятом в Москве решении.

В этом случае проявилось принципиальное отношение к такого рода вопросам со стороны Чэнь Шаоюя. Он считал, что тогда, когда у человека были ошибки, и когда сам человек это признавал, человека можно и нужно было оставить в составе руководства и не наказывать безжалостно за ошибки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.